

«Остров невезения», «Песня про зайцев», «Помоги мне», «Песенка о медведях», «Волшебник-недоучка», «Лучший город земли», «Все могут короли», «Где же ты была?» — редкое застолье обходится без этих песен. Их автор — поэт Леонид Дербенев, которому 12 апреля исполнилось бы 75 лет. Между тем еще при его жизни говорили: сочинив «Есть только миг», он мог больше ничего не писать.

Не собирался быть поэтом

Вообще-то Леонид Дербенев не собирался быть поэтом, потому и пошел учиться на юриста. Это образование мешало ему в жизни — в Союзе писателей, куда его так и не приняли, рассуждали в духе времени: раз литературный не закончил — значит, непрофессионал. Дербенев расстраивался и... продолжал выдавать на-гора новые хиты.

А сначала все творчество заключалось в рифмованных строчках — подписях к карикатурам друга в журнале «Крокодил». Еще Дербенев размещал свои стихи в газетах. Как-то он пришел получать гонорар и встретил в бухгалтерии приятеля, Эдика Иодковского, автора целинной песни «Едем мы, друзья, в дальние края». Узнав, что за большое стихотворение в сто строк платят 2 рубля, а за три куплета и припев — 8, Дербенев решил попробовать сочинить песню. Нужных связей у него тогда не было, зато друзья занимались

сали песни к легендарным гайдаевским фильмам «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Иван Васильевич меняет профессию».

— Леня быстро стал известен как автор песен к фильмам, — говорит Вера Дербенева. — Причем у него было огромное преимущество — он мог писать на готовую музыку и делал это быстро. Поскольку он не был членом Союза писателей, часто бывало так, что на начальном этапе режиссеры обращались прежде всего к официально одобренному поэту. А когда тот не справлялся с задачей, просили Дербенева выручить. Но если первому поэту отводили на творческие муки три месяца, то Лене надо было сдать тексты «уже вчера». Все были довольны и звали его в следующий фильм. В итоге Леонид Петрович написал песни к 120 кинофильмам.

Тандем Дербенева и Зацепина разбило желание композитора уехать за рубеж. Ставить крест на своих работах поэт не собирался, поэтому от дальнейших совместных проектов отказывался. «Пойми меня правиль-

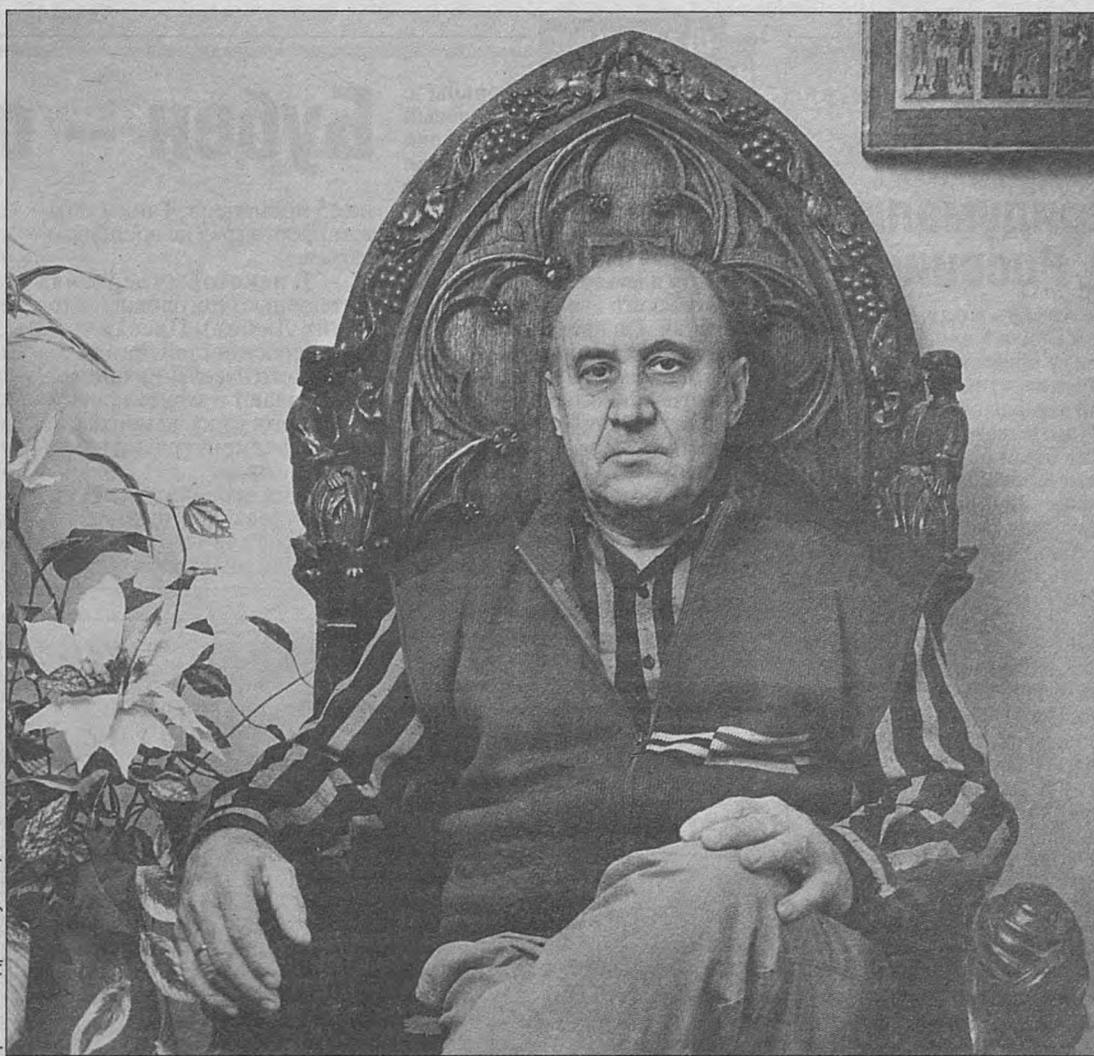

фото Андрея Кузнецова

Леонид Дербенев был поэтическим королем советской эстрады

Дербенев сочинять начал из-за денег

изданием музыкальных пластинок. Золотых гор не обещали, но кое-какую работенку подкинули: переводы с казахского, казахского и пр.

Чтобы начинающий поэт поскорее освоил новое ремесло, друзья посоветовали воспользоваться «рыбой»: количество слогов и порядок ударений гораздо легче соблюдать, если, например, при сочинении песни «Широка страна моя родная» повторять «48, 30, 48»...

— Но и это мало помогало, — вспоминает вдова поэта Вера Дербенева. — Мы тогда жили с его родителями, у нас была одна комната, и вот он ходил из угла в угол, бубнил эти цифры и говорил: «Совершенно ничего не могу сочинить — тут же складываю в уме, сколько это получится». Тогда ему предложили другую «рыбу» — «Дорогой, любимый, милый, милый». Это уже не отвлекало.

Через некоторое время в издательстве заметили, что как поэт Дербенев вырос, и отважились дать более популярную музыку. Когда его «Ямайку» стали крутить по радио, на него обратили внимание композиторы второго эшелона. Наибольший успех на этом этапе ждал Леонида Дербенева при сотрудничестве с Александром Флярковским, пригласившим его в кинофильм «Русское поле». «Белая лебедь», «Колдовство» и «Говорила мама мне» — эти три песни дали поэту путевку в жизнь.

Ревновал Добрынина, как девушку

Но настоящий звездный час в жизни Дербенева наступил после встречи с Александром Зацепиным. Вместе они напи-

но, — убеждал Дербенев композитора. — Мы сейчас с тобой поработаем, потом ты уедешь и начнешь новую жизнь. А я останусь ни с чем».

Новыми соавторами Дербенева стали Максим Дунаевский и Вячеслав Добрынин.

— Со Славой была другая беда, — вспоминает Дербенева. — Он не член Союза композиторов, ему в кино дороги нет. Если член союза еще мог протянуть за собой автора со стороны, то не член ничего не мог сделать. И Дербенев с Добрыниным начали просто писать песни для эстрады. Тогда появились Лева Лещенко с песнями «Прощай», «Кто тебе сказал?» и Миша Боярский с «Кленовым листом» — это все друзья Славы... А потом Добрынин вырос из коротких штанишек, как это было когда-то с Дербеневым, и сказал Лене,

что не может писать только с ним. Слава до сих пор говорит о Лене со слезами на глазах и все время спрашивает, любил ли он его. А как не любил? Муж, как девушку, его ревновал.

Вслед за Добрыниным поэт покинули и его исполнители, и пошли слухи, что Дербенев испугался... А он лихорадочно искал исполнителей, и тут как манна небесная — по рекомендации Иосифа Кобзона к нему пришел композитор Игорь Матета и привел Машу Распутину. Одновременно Дербенев стал работать с Киркоровым.

— Маша и Филипп даже ругались порой за песни, — смеется Дербенева. — Но Леня всегда тонко чувствовал, какому исполнителю что подходит. Он говорил Распутинной: «Маруся, не задавай лишних вопросов. Я тоже хочу, чтобы ты стала бога-

той и знаменитой. Ты мне доверься». Петь банально о любви Леня ее отговорил и года полтора писал ей песни на грани фола, тем более что разрешили. В «Гималаях» было: «Там раздеться смогу догола я, но никто не пристанет ко мне», а не «Целуй меня везде, 18 мне уже». Тогда уже пришло время спонсоров, и деньги были не у всех. Леня был готов работать больше чем для двоих — Игорю Наджиеву немного писал...

Изображал из себя гения

Две самые большие трагедии жизни Дербенева — непризнание Союзом писателей и ссора с Пугачевой.

— Перед союзом за него хлопотали и Лев Ошанин, и Римма Казакова. Даже общий союз его принимал, а московская организация не замечала. Придирались ко всему, даже к песне «Есть только миг», о которой в «Правде» была разгромная статья, — негодует вдова. — Чтобы хоть куда-то приткнуться, вступил в профсоюз литераторов — туда можно было прийти, если зарабатываешь не меньше 60 рублей месяц. А Леня зарабатывал 10 тысяч. Участковый спрашивал, где муж работает и откуда у нас вторая машина. Когда узнал, что взносы платим, что не тунеядцы, забыл наконец к нам дорогу.

Дербенев всегда, особенно в последние годы, очень тщательно оберегал жену от мира шоу-бизнеса. Когда у них были гости, Леонид Петрович выпроваживал супругу на кухню.

— Однажды я ему высказала: «Почему ты меня выгоняешь? Дай-подай, пошла вон». На что

Леня мне ответил: «Вот ты ушла, и я стал изображать из себя гения. А при тебе я не могу — ты же смеяться будешь». Он был нормальный любящий отец, требовательный муж и сумасшедший дед... Продуктов нет, в магазине пусто — он откуда-то ящиками прет колбасу и бананы. Никакой он не гений.

...Аллу Пугачеву Дербенев знал с самого детства — его песню «Хожу-вожу» будущая Примадонна исполнила, когда ей было 16 лет. Дербенев и Пугачева дружили, он даже давал ей какие-то советы насчет обустройства личной жизни... Но после фильма «Женщина, которая поет» они разошлись на несколько лет: певица удовлетворила творческие амбиции, сочинив к картине несколько песен под псевдонимом Горбнос, и получила часть гонорара.

— Когда после долгого перерыва Алла впервые пришла к нам домой, они часа три разговаривали, — говорит Дербенева. — Для нее он сочинил «Бессоницу», «Брось сигарету»... Он бы еще много чего мог написать, если бы не болезнь.

Рак доконал поэта за год. — Леня умер в 1994 году, в самый разгул демократии, — заключает вдова. — И незадолго до смерти сказал: «Я всю жизнь страдал от цензуры. Я готов принять цензуру, только чтобы она распространялась и на разнуданных мальчиков, которые пишут такое непотребство».

Есть большая доля правды в том, что беда нашей эстрады — в плохих текстах. Когда уходят такие, как Дербенев, петь становится нечего — это признают и сами музыканты.

Народная тропа к могиле поэта не зарастает (на фото Игорь Наджиев)